Источники и литература

1. *Андрианова, Л.С.* Отчет о работе Сухонско-Кубенской экспедиции в Харовском районе Вологодской области в 2001 году (раскопки многослойного поселения Боровиково-А в Харовском районе, мезолитической стоянки Яснополянская-2 в Тотемском районе, разведочные работы в бассейне реки Кубене) / Л.С. Андрианова // Архив ИА РАН.

2. *Андрианова, Л.С.* Первые энеолитические находки в бассейне реки Кубены / Л.С. Андрианова, Н.А. Бритвина // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. – Ярославль, 2006. – С. 137 – 145.

3. *Андрианова, Л.С.* Сквозь века и тысячелетия (очерки харовской археологии) / Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева // Харовск. Историко-краеведческий альманах. – Вологда, 2004. – С. 7 – 45.

4. *Андрианова, Л.С.* Скопление шлифовальных камней и плит на многослойном поселении Боровиково производственный комплекс или ритуальная площадка? / Л.С. Андрианова // Археология Севера. – Череповец, 2005. – № 1. – С. 14 – 21.

5. *Васильева, Н.Б.* Памятник каменного века Боровиково-2М на реке Кубене / Н.Б. Васильева, Л.С. Андрианова // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. – Ярославль, 2003. – С. 22 – 35.

6. *Васильева, Н.Б.* Шлифовальная мастерская Боровиково-А на реке Кубене / Н.Б. Васильева, Л.С. Андрианова // Культурные взаимодействия в Северной Евразии и Северной Америке. II Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2006. – С. 240 – 241.

7. *Жульников, А.М.* Энеолит Карелии / А.М. Жульников. – Петрозаводск, 1999.

8. *Коробкова, Г.Ф.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда / Г.Ф. Коробкова, В.Е. Щелинский. – СПб. – 1999. – Ч. 1. – Археологические изыскания. – № 36.

9. *Кудряшов, А.В.* Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о полевых работах в Вологодской области в 1988 году / А.В. Кудряшов // Архив ИА РАН.

10. *Ошибкина, С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы / С.В. Ошибкина. – М., 1997.

11. *Семенов, С.А.* Первобытная техника (Опыт изучения древних орудий и изделий по следам работы) / С.А. Семенов // МИА. – 1957. – № 4.

12. *Сидоров, В.В.* Древние охотники и рыболовы Подмосковья / В.В. Сидоров, А.В. Энговатова. – М., 1997.

УДК 32.019.5

А. Мирович

ОГРАНИЧЕНИЯ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ ПО РОЛЗУ

Статья написана в рамках научного проекта «Демократический и национальный потенциал политических институција Сербии в процессе международной интеграции» (179 009), финансируемой Министерством образования и науки Республики Сербии

В работе указывается, что на основании все еще доминирующей в наше время концепции гражданского неповиновения по Ролзу формируется слишком абстрактная, эксклюзивистская и узкая теоретическая модель, которая, как выражение чисто академической точки зрения и результат определенного идеологического влияния ученой элиты и ее связи с корпоративными и политическими структурами власти, не отвечает ни историческому, ни современному практическому опыту, и тем самым, в конце концов, приводит к обессмысливанию самого ее понятия.

Концепция Ролза, гражданское неповиновение, основные права человека, политическое обязательство, гражданское общество, граждане, демократическое конституционное государство, псевдодемократический строй, Сербия.

In the paper, the author wants to point out that Rawlsian conception of civil disobedience still dominant today forms a theoretical model that is too abstract, exclusive and narrow, and that, either as an expression of a purely scholastic point of view or as a result of ideological influence of scientific elite and its coupling with the corporate and political power structures, does not correspond to any historical or contemporary empirical practice, and therefore leads to a complete senseless of the very notion.

The Rawlsian conception, civil disobedience, basic human rights, political obligation, political authority, civil society, citizens, democratic constitutional state, quasi-democratic order, Serbia.

Вопрос легитимности политической власти поставлен довольно давно, кризис политической легитимности был в истории почти хроническим явлением. Только с развитием современной демократической теории и практики современное общество с либерально-представительной системой ответственной власти, которая требует не только обычного пассивного повиновения, но и согласия и политического соучастия граждан, ощутило этот кризис и его последствия, а также необходимость преодоления кризиса способом, который не повредит демократическим достижениям цивилизационного развития. Именно гражданское неповиновение и является тем особым средством или стратегией гражданского влияния, которая может сыграть здесь значительную роль. То есть речь идет о виде политической практики, которая, как элемент гражданской политической культуры, и сама представляет значительное демократическое достижение. Развитие современной концепции и практики гражданского неповиновения

означало бы и развитие гражданского самосознания, т.е. сознания граждан о своем политическом субъективизме, которое дает им возможность выступать не только в качестве носителей и исполнителей, но, если это необходимо, и в качестве защитников своих гражданских прав и прав человека.

Таким образом, требовалось создать определенные теоретические и практические условия для развития современной идеи гражданского неповиновения в том виде, в котором мы знаем ее сегодня. На деле она представляет собой типичную современную форму неповиновения, существующую наряду с другими концепциями неповиновения, которые эволюционировали из таких исторических форм отказа от повиновения или лояльности по отношению к установившейся власти и ее решениям, как, например, раннехристианская традиция неповиновения по религиозным убеждениям и право на сопротивление тирании [2], [3], [4], [5], [6], [11], [12], [13], [18]. Гражданское неповиновение, которое хотя частично и наследует старые традиции (и уходит своими корнями в античные концепции так называемого наследия Сократа), все же выходит за их рамки из-за своих концептуальных условий и элементов, так как «проявляется в совершенно новых историческо-политических условиях и подлежит другому виду обоснования» [11, с. 41].

Можно сказать, что демократическое конституционное государство кроме своих регулярных институциональных механизмов имеет две степени или два уровня внеинституциональной защиты, которым соответствуют различные средства, находящиеся в распоряжении людей для защиты прав человека и принципов демократии. К таким неформальным защитным механизмам относятся: гражданское неповиновение и средство оказания «помощи» угрожаемой стране. При этом гражданское неповиновение представляет первый, защитный, уровень, связанный с регулярным функционированием демократического конституционного строя, тогда как «помощь угрожаемой стране» является дополнительным средством второй степени защиты, связанным с чрезвычайным положением в более широком смысле [7], [8], когда неконституционные силы угрожают функционированию данного строя и существует опасность установления власти тирании [5]. Это означает, что установление тирании, а затем активизация и использование естественного права на активное (вооруженное) сопротивление этой тирании стало бы возможным только в случае прекращения работы или неудачного результата механизмов защиты, а также непрочности самих институциональных барьеров. Вопреки широко распространенному мнению о том, что право на сопротивление тирании в демократическом обществе в наше время отменено, на самом деле оно еще существует, хотя и не является юридически закрепленным, а представляет незакрепленное, естественное право, каким всегда и было по своей сути (хотя и здесь есть исключения[1]). Следовательно, указанное право трактуется как крайнее средство, к которому можно прибегать только в случае определенного формирования или действительного существования власти тирании, с целью (повторного) установления демократического конституционного строя.

Согласно современной концепции в ее доминирующем варианте, понятие гражданского неповиновения подразумевает определенное общественное, в принципе нелегальное, но ненасильственное политическое действие граждан, направленное против отдельных законов или решений власти демократической конституционной системы, или, точнее, системы либерально-представительной демократии, с тем, что данное конституционное устройство не ставится под вопрос, а само действие ссылается исключительно на справедливость, определенную в довольно узком смысле. Речь идет о преобладающем сегодня понимании, проистекающем из догматической теоретической матрицы Ролза и основанной на ней весьма жесткой схеме необходимых условий обоснованности и возможности применения данного вида политической практики. Джон Ролз разработал данную концепцию со строго сформулированными условиями и границами оправданного гражданского неповиновения в составе своей общей теории справедливости [10]. Данную концепцию переняли многие, включая авторов с другими теоретическими позициями, вроде Хабермаса (Jürgen Habermas), который в большей мере согласился с этой концепцией. Это привело к тому, что их теории гражданского неповиновения в совокупности часто называют «концепцией Ролза-Хабермаса». Однако концепция гражданского неповиновения Ролза на самом деле является составной частью его теории политической легитимности, без которой ее сложно понять правильно. Совершенно очевидно, что вдохновение для концепции этой своей теории Ролз черпал в серьезных волнениях, потрясших американское общество в пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века, в которых в качестве главных участников действовали протестные движения. Например, Движение за гражданские права, антивоенное движение и студенческое движение против войны во Вьетнаме, которые ставили под вопрос существующие законы и политику, американский истеблишмент в целом, а также свои общественные институты. Поэтому данная теория будет отражением усилий Ролза «утвердить приемлемый для всех способ оправдания, а также приемлемый для всех способ критики основных институтов американского общества» [14, с. 61].

Следовательно, возможность реализации гражданского неповиновения как особой стратегии политического влияния связана со строго определенными

[1] Например, Конституцией ГДР, а также ныне действующими Конституциями некоторых западных немецких земель, таких, как Гессен, выполнено юридическое закрепление права на сопротивление путем его включения в конституционное право.

системно-институциональными рамками, т.е. единственный возможный контекст и основные условия его применения диктует уже выстроенная демократическая конституционная система, как та, которая характеризуется «условиями, близкими к справедливости» (Ролз) или «полностью неприкосновенным правовым государством» (Хабермас). Кроме этого, устанавливаются и дополнительные условия его оправданности. Они, наряду с системным условием, диктуют, что посредством такого действия под вопрос ставится не существующий строй, а только отдельные правовые и политические акты. Наиболее значительным является условие, связанное с характером и содержанием справедливости, на которую могут ссылаться неповинующиеся граждане. Между тем, необходимо подчеркнуть, что Хабермас, хотя и опирается на эту матрицу и не игнорирует институциональные рамки демократического правового государства, своим непринятием понятия Ролза «общественной концепции справедливости» [4], [19], в соответствии с собственной дискурсивной теорией демократии, т.е. делая упор на гражданское неповиновение как элемент развитой, активной, или, как он говорит, «зрелой» политической культуры [16, с. 54], так или иначе выходит из перспективы с точки зрения Ролза, расширяя ее политическо-культурным контекстом. Таким образом, по нашему мнению, его концепция значительно более приемлема, когда речь идет о современных протестных движениях и их акциях неповиновения.

Практический опыт показывает, что применение такой стратегии возможно и в обществах, которые не характеризуются такими системно-институциональными рамками, категорически необходимыми в данной концепции. Практика гражданского неповиновения возможна не только в условиях развитой системы демократических институтов, т.е. при существовании прочной и стабильной конституционной демократии, но так же возможна и в условиях так называемой минимальной, выборной демократии (которая, по нашему мнению, является одним из видов полудемократии), и даже в псевдодемократических условиях, что лучше всего показывает случай Сербии. Кроме этого, определенный современный опыт наряду с опытом, через который прошли некоторые восточноевропейские социалистические общества в конце восьмидесятых годов XX в., потвердил, что при определенных условиях такая политическая практика возможна и в недемократических условиях. Например, там, где нет ни одного институционального минимума демократизации, который мы все же стремимся определять как один из необходимых факторов рамок контекста такой практики. Парадоксально, что сами недемократические правители поощряли развитие гражданского общества и укрепление его протестной мощи. Поэтому мы и уделяем основное внимание ситуации в Сербии, как одному из примеров, который характеризуется другим системно-ситуационным контекстом. Здесь, наряду с начальной демократической псевдоморфозой политического строя, не была реализована «политика отступления» от власти сил старого режима, а применение гражданских стратегий демократических изменений, в том числе и гражданского неповиновения, не только не облегчалось или не поощрялось сверху, а напротив, оттуда же проводились действия по ограничению таких гражданских акций и задержке проведения существенных демократических изменений.

Гражданские антирежимные протесты в течение последнего десятилетия прошлого века в Сербии, а также в ходе самих событий 5 октября 2000 г., представляют недвусмысленный пример успешного применения гражданского неповиновения и в условиях существования определенного псевдодемократического строя, даже тогда, когда переходный режим перешел в фазу спада, с укреплением авторитарных тенденций. Случай Сербии показывает, что действие путем применения такой эволюционной и реформенной стратегии может быть направлено не только против воли большинства тех, кто стоит за определенными законами и политическими решениями, т.е. тех, кто их принял, но и против воли (самоволия) политической власти, которая, игнорируя волю большинства в обществе, потеряла свойство легитимности.

Существует несколько причин, по которым акции протестов граждан Сербии 5 октября представляют значительный пример применения гражданского неповиновения, невзирая на отсутствие строго определенного институционального условия. Одной из ключевых причин этого, по нашему мнению, стал тот факт, что тогда была реализована именно тактика Кинга (Martin Luther King), т.е. тактика поворота аргумента законности против самих правителей, что является типичной тактикой гражданского неповиновения. Участники массовых протестов в Сербии не требовали установления какой-либо полностью новой конституционной системы, а защищали гарантированное конституционное право голоса и другие существующие конституционные права и принципы, а также формально проистекающее из них демократическое основание легитимизации власти. Тот факт, что события 5 октября характеризуют элементы защиты, т.е. то, что Молнар называет реализацией «консервативной законодательной власти», говорит не только о том, что это действительно были действия гражданского неповиновения, но и о том, что неправильно было бы называть эти события революцией, как это довольно часто делают [11, с. 74].

Применение гражданского неповиновения как средства политической борьбы в условиях переходного системно-институционального контекста, в которых тогда находилось сербское общество, было возможно по двум ключевым причинам. Во-первых, существующий авторитарный режим уже был устаревшим, а власть потеряла легитимность на выборах, т.е. формально. Можно предположить, что в других условиях армия и полиция почти наверняка бы встали на защиту режима и отреагировали бы гораздо жестче, а когда правительство имеет в распоряжении преданный силовой аппарат и имеет политическое

стремление применить его для борьбы с демонстрациями, тогда численность участников протеста не может ему помешать. Посему напрашивается парадоксальный вывод: «Часть объяснения выборного (и фактического – прим. А.М.) поражения авторитарного строя в Сербии нужно искать в том, что тот строй был недостаточно авторитарным» [1, с. 51]; и, как выяснилось, недостаточно авторитетным (имеется в виду решающий отказ участников вооруженных сил выполнить приказ политической верхушки и применить силу). Во-вторых, участники гражданского общества имели довольно развитое критическое сознание о природе своего политического обязательства повиновения, так же как и достаточную степень гражданской храбрости, чтобы перестать его выполнять. Эти, а также некоторые другие гражданские достоинства, например, взаимную солидарность и сплоченность, граждане Сербии в большей мере приобрели как раз благодаря своему многолетнему опыту противостояния, а иногда и приспособления к правящему режиму Милошевича [9]. Именно по этой причине наш основной вывод заключается в том, что системно-институциональный контекст представляет всего лишь определенные рамки поведения людей, однако на их политические действия также решающее влияние оказывают общественные нормы, т.е. политическо-культурные ценности и ориентиры.

По причине всех указанных недостатков и неполноценности доминирующей теоретической концепции гражданского неповиновения необходимо выполнить ее переопределение по некоторым ключевым аспектам. Это подразумевает некоторую корректировку концепции прежде всего в той ее части, которая относится к необходимым рамкам контекста данной практики, а также в смысле ранее упомянутого определения основания ее обоснования или границ политического обязательства. Мы считаем, что для переопределения рамок контекста гражданского неповиновения прежде всего необходимо ослабление или «смягчение» самого системного подхода, для сведения необходимых демократическо-институциональных условий к необходимому минимуму вместо строгого требования к существованию уже установленного и «полностью неприкосновенного» демократического конституционного государства. Такой необходимый институциональный минимум требует существования хотя бы частичной институализации демократии и гражданских и человеческих прав и свобод. Это прежде всего подразумевает возможность существования гражданского общества или хотя бы его рудиментальной формы, а также определенное необходимое пространство для его относительно независимых действий и самообороны; а во-вторых, наличие или стремление к демократической легитимизации власти и строя. Такой скорректированный системно-институциональный подход затем следовало бы дополнить дополнительным подходом, обеспечивающим значительно более широкие и практически адекватные и стимулирующие аналитические рамки. По нашему мнению, этого можно достичь нормативным подходом и уделением внимания определенному типу политической культуры с гражданскими ценностными ориентирами как ключевому условию практики гражданского неповиновения. Речь идет о гражданской политической культуре как ценностном контексте, который обеспечивает необходимую саморефлексивность как со стороны гражданского общества, так и со стороны политической власти.

Такой комбинированный подход, включающий дополнение предыдущего сокращенного системно-институционального подхода нормативным, т.е. civic culture подходом, обеспечил бы и рассмотрение гражданских акций ненасильственного сопротивления нелегитимной политической власти и ее несправедливым решениям, так же как и всему такому правовому и политическому строю в обществах, которые не исполняют строгое институциональное условие stricto sensu, как действия гражданского неповиновения. Также такое обращение внимания гражданско-культурным контекстуальным рамкам обеспечило бы включение современных протестных движений, которые проводят свои акции ненасильственного сопротивления в условиях прочной и развитой демократии, но направляют их именно против ее существующего вида и не основываются на принципе справедливости Ролза, в переопределенную концепцию гражданского неповиновения. Мы считаем, что тем самым, наряду с расширением условий, роли и области законности данного вида политического влияния, будут получены всеобъемлющие и стимулирующие концептуальные рамки, которые имели бы и значительно более широкое применение, как в когнитивном и теоретическо-аналитическом смысле, так и в практическо-политическом смысле, т.е. в области общественной мобилизации.

В общественно-политическом смысле с использованием такого комбинированного подхода и обращением внимания нормативному подходу была бы утверждена гражданская политическая культура и ее роль в политическом и общественном развитии; это поощрило бы развитие определенных гражданских достоинств и ответственности людей перед собственным политическим сообществом и другими людьми. Данную практику, если она представляет элемент гражданской культуры и является оправданной, не следует рассматривать как препятствующий фактор, наоборот, она является нормализующим фактором функционирования и развития демократического правового государства, и также, как мы уже указали, может быть потенциально значительным фактором для его создания.

Источники и литература

1. *Гоати, В.* Природа поретка и октобарски превратуСрбији / В. Гоати // И. Спасић, М. Суботић (eds.) Р/еволуција и поредак: О динамици промена у Србији. – Београд, 2001. – С. 43 – 55.

2. *Мировић, А.* Грађанска непослушност и приговор савести: Концептуални развој и појмовно разграничење / Александра Мировић // Политичка ревија. – 2009. – Вол. 22. – Бр. 04. – С. 1 – 26.

3. *Мировић, А.* Грађанска непослушност, право на отпор тиранији и 'помоћ угроженој држави' као механизми заштите и (поновног) успостављања демократског уставног поретка / Александра Мировић // Српска политичка мисао. – 2009. – Вол. 26. – Бр. 04. – С. 1 – 44.

4. *Мировић, А.* Дискурзивна демократија као специфичан облик делиберативно-демократског модела / Александра Мировић // Српска политичка мисао. – 2009. – Бр. 01. – С. 45 – 84.

5. *Мировић, А.* Савремена схватања грађанске непослушности / Александра Мировић // Политичка ревија. – 2010. – Вол. 23. – Бр. 01. – С. 1 – 20.

6. *Мировић, А.* Савремена схватања цивилног друштва с посебним осврtом на концепцију Џона Кина (John Keane) / Александра Мировић // Политичка ревија. – 2005. – Вол. 8. – Бр. 03. – С. 937 – 956.

7. *Молнар, А.* Расправа о демократској уставној држави 4: Грађанска непослушност / Александар Молнар. – Београд, 2002.

8. *Молнар, А.* Расправа о демократској уставној држави 1: Право на отпор тиранији, Самиздат Б92, Београд, 2001.

9. *Павићевић, Ђ.* Прелазна оцена: Промене у Србији као облик социјалног учења / Ђорђе Павићевић, Ивана Спасић // И. Спасић, М. Суботић (eds.), Р/еволуција и поредак: О динамици промена у Србији. – Београд, 2001. – С. 137 – 150.

10. *Ролс, Џ.* Теорија правде / Џон Ролс // Службени лист СРЈ. – Подгорица, 1998.

11. *Спасић, И.* Грађанска непослушност / Ивана Спасић // Предраг Крстић (ур.) Критички појмовник цивилног друштва (II). – Београд, 2004. – Група 484. – С. 39 – 75.

12. *Становчић, В.* Власт и слобода / Војислав Становчић // Југословенско удружење за политичке науке. – Београд, 2003.

13. *Становчић, В.* О основама и карактеру политичке облигације грађана / Војислав Становчић // Анали Правног факултета у Београду. – 2001. – Бр. 1 – 4. – С. 255 – 296.

14. *Становчић, В.* Проблеми легитимности политичке власти / Војислав Становчић // Глас. – 1992. – CCCLXVI. – Бр. 26. – С. 43 – 117.

15. *Habermas, J.* Problemi legitimacije u kasnom kapitalizmu / Jürgen Habermas. – Naprijed, Zagreb, 1982.

16. *Habermas, J.* Грађанска непослушност – тест за демократску правну државу / Jürgen Habermas // Гледишта. – 1989. – Бр. 10 – 12. – С. 52 – 68.

17. *Matan, A.* Teorija političke legitimnosti Johna Rawlsa / Ana Matan // Fakultet političkih znanosti. – Zagreb, 2008.

18. *Neumann, F.* O granicama opravdane neposlušnosti / Franz Neumann // F. Neumann Demokratska i autoritarna država: Studije o političkoj i pravnoj teoriji. – Naprijed, Zagreb, 1974. – C. 170 – 179.

19. *Sabl, A.* Looking forward to justice: Rawlsian civil disobedience and its non-Rawlsian lessons / Andrew Sabl // The Journal of Political Philosophy. – 2001. – V. 9. – № 3. – C. 307 – 330.

УДК 930

В.В. Митрофанов

ВОЛОГЖАНЕ ОЧЕНЬ ПОМНЯТ ВАС: ПИСЬМА Л.И. АНДРЕЕВСКОГО И В.Д. АНДРЕЕВСКОЙ-ПРОЗОРОВСКОЙ С.Ф. ПЛАТОНОВУ

В материалах раскрывается многогранное сотрудничество выдающегося отечественного историка С.Ф. Платонова с краеведом и историком Л.И. Андреевским и известным организатором образования Вологды в 1920-е гг. В.Д. Андреевской-Прозоровской. Через эти связи раскрывается просветительское направление деятельности столичного ученого и уточняются отдельные малоизвестные страницы краеведения и культурного строительства Вологодчины в первые годы советского периода.

С.Ф. Платонов, Л.И. Андреевский, В.Д. Андреевская-Прозоровская, образование, краеведение, архивы, переписка.

The paper considers multifaceted cooperation of an outstanding Russian historian S.F. Platonov with the ethnographer and historian L.I. Andreevskiy and the well-known organizer of Vologda education in 1920 V.D. Andreevskaya-Prozorovskaya. These relations reveal the educational activity of the scientist and specify some little-known pages of local history and the cultural building of Vologda in the early years of the Soviet period.

S.F. Platonov, L.I. Andreevskiy, V.D. Andreevskaya-Prozorovskaya, education, local lore study, archives, correspondence.

В последнее десятилетие заметно оживился интерес исследователей к творчеству С.Ф. Платонова, в том числе и к одному из важных сторон его изысканий – истории Русского Севера. В этом отношении следует назвать работы М.А. Орешиной [6], [7], [8], за которыми следует признать значительный шаг в раскрытии роли научно-краеведческих обществ Севера Европейской России в деле сохранения культурного наследия обширного региона.

Важное место в этом перечне занимают и другие монографические исследования. Так, В.В. Митрофанов рассмотрел связи С.Ф. Платонова с научно-историческими обществами названного региона сквозь призму интереса ученого к проблемам истории Великого Новгорода и Поморья [4]. Ю.В. Вечмотова связывает развитие краеведения в северной части Волго-Вятского региона с деятельностью Вятской ГУАК [3, с. 172]. С.Ф. Платонов же был избран членом архивной комиссии Вятской губернии 21 декабря 1904 г. [5, с. 216. Прим.10], [10, с. 32].

Интересным источником о связях С.Ф. Платонова с представителями провинциального краеведения следует считать его переписку с И.Н. Суворовым – историком, археографом, архивистом Вологодской губернии. Надо отметить, что переписка насчитывает 23 письма (за 1910 – 1925 гг.) [14], при этом отме-